

Е. Г. ЛУНДБЕРГ**История одной книги (Письмо в редакцию)**

«Руль» с удовольствием рассказывает о том, что я уничтожил книгу Льва Шестова «О большевизме»¹. «Руль», конечно, знает, как и отчего это случилось. Когда-то, когда я не был советским чиновником и хотел издать в издательстве «Скифы» книгу. Затем я стал чиновником, конечно, «продался и, продавшись, решил книгу уничтожить». И уничтожил!

Имя Льва Шестова — настолько большое имя, что все, имеющее к нему отношение, приобретает общественный интерес. И особенно — уничтожение его книги. «Руль» об этом событии судит по крайнему своему разумению. Но есть налицо еще и другие разумения. И раз вопрос поднят — следует его осветить. И осветить возможно полно — хотя бы пришлось говорить о личном.

* * *

Со Львом Шестовым меня связывает восемнадцатилетняя дружба². Больше, чем дружба, ибо в понятие дружбы не входят ни отношения учителя и ученика, ни отношения товарищей по делу, а, между тем, я учился писать на книгах Льва Шестова, и его литературное и философское дело считаю в большой степени и своим литературным делом. И когда в октябре 1917 года — ибо в советских чиновниках я состою с Октября — мы очутились в разных политических лагерях, это несколько не отразилось на наших отношениях. Беседовать можно было по-прежнему легко и свободно. Может быть, потому, что мы оба были далеки от практической политической работы. А может быть, и по другим, более сложным и светлым причинам. И эта легкость и свобода общения сохранилась и по сей день, несмотря на то, что, действительно, книга Льва Шестова уничтожена моими руками.

Когда полтора года тому назад в Берлине основалось издательство «Скифы» — А. А. Шрейдером³, и мною решено было приобрести право на издание философских сочинений Льва Шестова. Во время переговоров по этому поводу Л. Шестов упомянул о том, что у него имеется критика большевизма — *с библейской точки зрения*. Этот подход к современности крайне заинтересовал меня. Хотя Шестов сам отговаривал меня в письмах от издания книги, утверждая, что она нашему издательству не подойдет.

Во время этой переписки мне стало ясно, что *корни его критики гораздо ближе к поверхности земли, чем я полагал*. Я не скрыл своего впечатления от писателя. И предложил ему следующее: пусть он при-

шлет манускрипт, я отдам его, не читая, в типографию. Я не могу быть его издателем; еще менее могут быть ими «Скифы», связанные с определенными партийными группировками. Но я могу помочь автору издать — *как собственное его издание* — книгу в Германии. Я произвел известное насилие над собой, предлагая такой исход. И Лев Шестов тоже произвел над собой насилие. Ибо в услуге, оказываемой таким образом, не было того главного, что красит человеческие отношения, что красит самую услугу: в ней не было радости чувства свободы.

Рукопись была послана в типографию. Но когда пришли первые корректуры — я был вне себя. Только от трех последних страниц повеяло на меня суровым духом шестовского творчества. Вся книга на мой вкус была очень нехороша. И литературно, и психологически. Написал Льву Шестову более чем резкое, несдержанное, письмо. Оно было таково — что только восемнадцатилетняя близость наша и великая душевная ясность Шестова могли спасти его. Началась острая невыносимо — тяжелая — полемика в письмах.

А книга? Книга была допечатана, я еще раз совершил над собой насилие. Конечно, издана она была не мною и не «Скифами». Но когда ее взяли на склад, чтобы сдать в продажу, — т. е. в момент, когда коснеющие мои отношения к этой книге прекращались и вся работа и контроль над продажей переходил к Льву Шестову, — я не вынес морально даже и этого участия в издании неприемлемой для меня книги: срочно послал людей, они отобрали на складе книги, опечатали пакеты и возвратили в типографию. Там книги Шестова пролежали более полугодом. Как раз в то время, когда — то замолкая, то разгораясь — шел в письмах мой тяжелый спор с Л. Шестовым.

Месяца три с половиной тому назад уполномоченный Л. Шестова, ныне покойный Л. А. Сев, пришел ко мне⁴ с предложением выдать книгу автору. И вот что я тогда написал Шестову (письмо от 24 сентября 21 года): «Надо еще об одном, о брошюре — самый тяжелый наш вопрос... Чтобы упростить дело я буду писать только о себе, о своем. Так будет короче. Помните: для меня то, что происходит в России, — за совесть важно. Оно для меня — серьезно. «Дело жизни» слишком громко. Но оно — около этого. Я узнал о Вашей брошюре. Вы писали: “большевизм с библейской точки зрения”... Если бы это было так... Рукописи еще не было, но уже по письмам я понял, что это не библейская точка зрения, а другое... Когда я получил первые корректуры, я пришел в отчаяние... Все, что вы говорите о революции, — не адекватно ей. Любая вражда, любая брань, но только не такая. Грубость моего ответа — это рикошет насилия над собой... Итак, я прошу Вас считать как бы не бывшим изданием Вашей книги. Ее могут издать в “Слове”, где угодно — в три-пять дней. Я же не могу и не хочу даже в такой степени быть двурушником...»

Вслед за этим письмом — все издание книги Льва Шестова «Что такое большевизм?» было по моему распоряжению уничтожено.

Не тридцать тысяч экземпляров, как утверждает «Руль», а пятнадцать тысяч. Кроме нескольких десятков экземпляров, отосланных мною автору и переданных заведующему архивами РСФСР Рязанову Д. Б. для передачи в государственные библиотеки и архивы. Д. Б. Рязанов принадлежал к тем немногим, кто знал историю уничтожения книги Льва Шестова. И он тоже понимал, что я уничтожаю не книгу, а свое участие в появлении ее на свет.

Еще несколько слов о «Руле». Руководители «Руля» осведомлены о вышеизложенном, сколько я знаю, из двух источников. С одной стороны — покойным Л. А. Севом, доверенным лицом Л. Шестова, а с другой — Ф. А. Брауном⁵. Наши беседы с Л. А. Севом протекали в очень резких тонах, и тем не менее Сев знал и понимал подлинную психологическую подоплеку всей этой печальной истории. Еще ближе к первоисточнику — понимание Ф. А. Брауна. «Руль» знал, что мои отношения с Л. Шестовым оставались прежними, т. е. что и Л. Шестов понял мотивы моих действий. И зная все это об уничтожении книги, обладая экземпляром, на котором имеется надпись «Право собственности закреплено за автором», — зная все это, «Руль» все-таки поднял эту историю, которая, попав в грязные руки, причинит Л. Шестову огорчений не меньше, чем мне. Если у И. В. Гессена⁶ хватило хамства инсценировать провокационные заметки, чтобы затем использовать опровержение издательства, — я это еще понимаю. Но его коллеги по редакции? Г. Набоков, И. О. Левин?⁷ Что думают они об этом? — впрочем, мне все равно, что они думают. Пребывание на противоположном берегу, видимо, освобождает от долга честно выбирать как оружие, так и поводы для борьбы.

Г. И. ЧУЛКОВ

Сны в подполье

Алексей Ремизов не пишет статей, не рассуждает и не философствует, — и это так характерно для его неоткровенного таланта. Тем примечательнее единственная его заметка, напечатанная в 1905 году, в журнале «Вопросы жизни», по поводу книги Льва Шестова «Апофеоз беспочвенности»¹. «Опыт адогматического мышления, — пишет Ремизов, — является гармонией афоризмов, возмутительных и циничных для ума, которого кашей не корми, а подай ему “систему”, “возвышенную идею” и т. п. “De la musique avant toute chose...” Этим знаменитым стихом заканчивается книга, которую можно было бы назвать прелюдией подпольной симфонии. Ведь в подполье, во мраке